

неизбежности самых мрачных сценариев до концепций устойчивого развития и улучшения качества жизни. Если концепции устойчивого развития служат нормативным прогнозом, задающим желаемые варианты будущего, как для отдельной личности, так и для государства, то апокалиптические прогнозы выполняют предостерегающую роль. Многое зависит от способности к рефлексии, как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. Если на индивидуальном уровне механизмы рефлексии достаточно хорошо разработаны современной психологией, то при разработке механизмов коллективной рефлексии существуют определенные трудности: все-таки общество более сложная система, чем личность. Тем не менее, стремление избежать исторических ошибок, мрачных сценариев и воплотить позитивные может способствовать выработке таких механизмов, их теоретическому обоснованию в науке и внедрению в управленческую практику.

Литература

1. *Абрамов И.М.* Циклы в развитии экономики СССР. Минск, 1990.
2. *Абалкин Л.* Россия-2015: оптимистический сценарий // Наука и религия. 2000. №7.
3. *Глазьев С.Ю.* Теория долгосрочного технико-экономического развития. М., 1993.; *Шардыко С.К.* Может ли Урал стать центром посткризисного развития России? (Уроки длинных кризисов русского индустриализма 1914-29 и 1991-2007/10 годов: структура, фундаментальные компоненты, цивилизационные и технологические перспективы послереформенной России – выход в русский постиндустриализм) // Наука и оборонный комплекс – основные ресурсы российской модернизации. Материалы межрегион. научно-практич. конф. (25-26 апреля 2002 г.). / Екатеринбург, 2002; *Алексеева В.А., Шардыко С.К.* От «Постиндустриальной утопии» к теории русского постиндустриализма // Современное информационно-методологическое обеспечение научно-исследовательской деятельности. Екатеринбург, 2003.; *Яковец Ю.В.* Циклы. Кризисы. Прогнозы. М., 1999; *Кузык Б.Н., Яковец Ю.В.* Россия-2050: стратегия инновационного прорыва. М., 2004.
4. *Кузык Б.Н., Яковец Ю.В.* Указ. соч.
5. *Шардыко С.К.* Может ли Урал...
6. *Голанский М.М.* Будущее мировой экономики и перспективы России. (Современное видение versus постулаты Маркса). М., 1994.
7. *Беспалов В.Е., Сальников Л.В.* Введение в функционалистику. Свердловск, 1991.

С.З. ГОНЧАРОВ

ТЕХНОГЕННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И КУЛЬТУРА В ЦИКЛАХ ИСТОРИИ: ОПЫТ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

Современный человек пережил смену не только веков, но и тысячелетий, он живет в период крутых перемен в технологических, экономических, социально-политических и идеологических процессах. Прежний понятийный аппарат и ставшие каноном методологии не позволяют адекватно осмыслить качественные перемены и дать

конструктивные ориентиры. Нужны новые парадигмы, новые, выражаясь языком И. Канта, «критики чистого разума». Назревают какие-то сдвиги глубинных пластов в жизнеустройстве народов. Интуиция подсказывает – предгрозовые тучи сгущаются. Модерн эпохи Просвещения сменился постмодерном не только в философии, но и в реальной политике. Буржуазный класс из организатора производства выродился в его тормоз: продуктивная («физическая») экономика сменилась «виртуальной», спекулятивной. Уместно привести общеизвестные цифры. Общее производство в США составляет примерно 20% от мирового ВВП, а потребление – около 40 проц. За счет чего американцы потребляют в 2 раза больше, чем производят? За счет «производства» прибыльного товара – доллара, мировой расчетной и резервной валюты. Кто же контролирует эмиссию доллара? Американская Федеральная резервная система! Печатают деньги, не обеспеченные товарной массой. Общая задолженность США (внутри государства и вовне) составляет уже 60 триллионов долларов. Такой запредельный долг США выплатить не в состоянии ни при каких условиях. Крах мировой финансовой системы у ворот. Главной опорой современных «элит» стал человек гедонистический, с угасающим интересом к культуре, будь то наука, искусство, нравственность. Стремление к истине, добру и красоте вытесняется стремлением к наслаждениям, а этика добросовестного труда – дезертирством от него. Более высокое стремительно подменяется низким – искусство коммерческими зрелищами, художник шоуменом и т.д. Понижение ранга ценностей есть пошлость. XXI век начался с торжества пошлости.

Происходит в глобальном масштабе поляризация самих стран на избранные и неизбранные. Расчищается социальное пространство для установления единого финансового пространства, единого рынка, единой армии и единого мирового правительства, определяющего социально-политические *статусы государствам и лицам*. Сведение всего к деньгам к ценности для обмена стало тотальным, всеохватным: национальная культура, территории народа, национальные интересы, историческая память народа, суверенитеты государств, все это подлежит обмену; человеческие мотивы вытесняются экономическими соображениями. Дробление больших государств на малые, а народа – на электоральные атомы, усилия по эрозии национальной идентичности народа и ценностных императивов, денационализация и реприватизация с помощью национальной власти в форме обмена национальных интересов на признание в качестве члена престижной мировой референтной группы, – все это идет полным ходом. Пока на разных перифериях существуют остатки суверенитетов, национальные культуры, религии Бога, патриотическая верность отечеству и проч., реализация нового мирового порядка невозможна, ибо сохраняются

очаги сопротивления. «Современная глобализация *впервые в истории человечества* посягает на эти основы коллективной судьбы и идентичности и предполагает *тотальную приватизацию*, исключающую саму постановку вопроса о национальной идее, национальных интересах, приоритетах, безопасности и т.п.» [13, с.31].

Тотальная приватизация включает два этапа: На первом из них «алчные местные элиты за бесценок скупают все национальное достояние – не по действительной стоимости, а по “конвенциональной”, связанной с круговой порукой компрадорской верхушки. Так, в России под флагом приватизации общенародная собственность стоимостью триллион долларов и неоцененные природные ресурсы были “проданы” частным лицам всего за 5 миллиардов долларов. На втором этапе главный доллародержатель мира скупает у этих самых “верхов” раздробленное и обесцененное национальное богатство, назначая не столько рыночную, сколько *политическую* цену, связанную с гарантиями безопасности и другими тайными подстраховками» [13, с.32].

Это уже сверхэкономический социально-политический обмен, точнее *торг*, а не конкурентный рынок; это не открытое общество, а «экспроприаторская система» в пользу тех, кто контролирует и финансовые потоки, и распределение политической власти в масштабах планеты [13, с.33].

Как же возможна такая неэквивалентная сделка на основе силы? Благодаря разрушению *контроля народа за своей собственной национальной властью*. Туземные нелегитимные приватизаторы, порвавшие с собственным народом, нуждаются в гарантиях своей безопасности, которые они надеются получить у держателей социальных статусов на планете, у закрытого от публики мирового правительства.

Как же народ доводится до потери своего государственного суверенитета? С помощью либеральной идеологии и постмодернистских технологий именно в области общественного сознания, путем замены одних значений другими. Престижными, «прогрессивными», «современными» объявляются только личный успех, индивидуализм с одновременными высмеиванием всеобщего народного интереса, государства, социальных институтов, патриотизма, духовной собственности в виде исторической памяти и национальной культуры; сведения духовных устремлений к телесно-чувственным вождениям, к фетишизму вещей и внешних наслаждений, к гедонизму; эрозии подвергается идентичность народа как субъекта общественного процесса, сведение гражданина государства к индивиду, озабоченному повседневными личными заботами. Везде – ставка на понижение ранга ценностей, на сведение высокого к низкому. Насколько

велика роль либеральной постмодернистской технологии в этой дьявольской игре на понижение, убедительно раскрыл в своих работах А.С. Панарин [13].

Это уже не капитализм, и не империализм, а запредельно-империалистическая фаза человечества, которая в ее тенденциях становится *социальным расизмом*, идеологией которого является новая ментальность – деление людей на избранных и на неизбранных, на полноценных, присягнувших на верность социальному расизму, и на неизбранных получеловеков, недостойных войти в новую фазу из-за ущербности сознания, сохраняющего неотчуждаемые святыни религии, эталоны национальной культуры, совесть, чувство человеческой солидарности, этику добросовестного труда и др. Одним странам предписаны денационализация, депатриотизация, десоциализация, деиндустриализация, а избранным – нечто прямо противоположное. Новобуржуазное реформирование, отмечал А.С. Панарин, увело общество от постиндустриальной перспективы: «от трудоемкого к наукоемким практикам, от рутинного труда к творчеству, от организации общества вокруг фабрики к организации его вокруг университета (НИИ)». А к чему оно привело?; «к доиндустриальным практикам спекулятивно-ростовщического капитализма» [13, с.120]. Какую ярость вызывают непокорные, видно на отношении Запада к Белоруссии, к ее очевидным успехам в экономике, культуре и национальной безопасности.

Выходит, что реформы на уровне отдельных государств есть способы реформирования *всей социальной связи* на планете. Запад образовал глобальный властный треугольник (Международный валютный фонд, Всемирный банк, Всемирную торговую ассоциацию), который следит за выполнением непривилегированными странами принятой программы «макроэкономической стабилизации» – «свертывание национальной обрабатывающей промышленности, науки, образования и культурного развития» [13, с.104], демонтаж системы социальной защиты и др. Отсюда – прямая дорога к вымиранию населения, десоциализация, деградация и криминальный образ жизни. В России минимальная заработная плата в 40 раз ниже суммы, необходимой для воспроизводства рабочей силы [13, с.210]. Так нахраписто конструируется «открытое общество» – открытое для товаров и закрытое для культуры по отношению к «неприспособленным». В России, например, сворачиваются наиболее перспективные наукоемкие производства: «Доля современного технологического уклада в структуре производства машиностроительной продукции сократилась с 33% в 1992 году до 21%. в 1998-м. ... Если в конце 80-х годов доля промышленных предприятий, ведущих разработку и внедрение нововведений в СССР, составляла около 2/3, то после 1992 года она снизилась до 22,4 %», объем НИОКР за этот же период «сократился более чем в 10 раз» [3, с.667].

Современное производство капитала стало нелегитимной практикой в масштабах планеты: свободные экономические зоны – это зоны вне ответственности за уплату налогов, оффшорные зоны тоже вне социального контроля. Под сенью оффшорных зон «крутятся» «свыше двух триллионов долларов, недоступных странам, где эти деньги были сделаны» [12, с.95]. *«Американский глобализм – это тоталитарная экономическая власть (финансовая олигархия в первую очередь), преследующая планетарные амбиции»* [13, с.21].

В период XX-XXI веков отчетливо проступили две качественно различные тенденции – *техногенной цивилизации и культуры*. На этих тенденциях остановимся подробнее.

Что такое техногенная цивилизация? Цивилизацию и культуру целесообразно осмыслить как *ступени истории*: дикость – варварство – цивилизация – культура. Цивилизация как ступень истории была необходима для освоения сил природы и достижения технологической свободы по отношению к ней. Способ освоения природы был распространен и на людей. Это – ставка на эффект внешнего воздействия, на мощь внешних органов практики (техника, социальные институты), на технико-технологическую оптимальность и рациональность, на науку, на логику «определения извне». Внешние органы практики стали самодовлеющими, а люди, их творцы, – вещными технологическими агентами с технико-экономическо-правовыми параметрами. Произошло овещнение всей социальности. Овещнение лиц и персонификация вещей сопровождается сциентизмом, технократизмом, ценностным нигилизмом, объективизмом, потребительством как самоцелью. Человеческую живую субъективность, изгнанную из общения, стали искать в органическом теле человека, в его «генах», «церебральных структурах» мозга; сознание оказывается «функцией мозга», а не человека как субъекта общения, а душа и дух – выдумкой для «глупых» и «слабых». Фетишизм органического тела дополняется социальным кумиротворчеством, будь то техника, рынок, деньги, право или Америка.

Так сложился не субъектный, а объектный уклад общества и мировоззрения, человека и подготовки специалистов, сориентированных на внешнепредметные знания и умения, на отношение «техника – человек», а не «человек – человек». В современной технической цивилизации доминирует логика «определение извне»: в человеческой жизни внешнее, материальное направляет и ведет внутреннее, духовное. Цель цивилизации, исторически выросшей из городского уклада жизни, – *производство средств к жизни обустройство внешней жизни «внешнего» человека на основе техники, товарно-денежной связи, правового регулирования и науки,*

разрабатывающей технологии. Техника, деньги, право, наука – таковы устои и идолы цивилизации

Ее ограниченность состоит в редукции, в резком *понижении ранга ценностей*: в сведении Бога к материи, духовной жизни – к душевной и телесно-чувственной, ценностного сознания – к научному, культуры – к социальным технологиям, нравственности – к праву, искусства – к коммерческим зрелищам и нервнующим «шоу», полноты человеческого общения – к «социальным ролям», воспитания всеобщих по значению продуктивно-творческих сил человека – к формированию профессиональных знаний и умений, своеобразия национальной жизни и культуры – к интернациональным рыночным стандартам мышления, поведения и потребления; человеческих индикаторов экономики и управления – к стоимостным показателям.

Техногенная цивилизация превратила *технику жизни* в самоцель, низведя самоцельность человека до средства. Она вселяет безвдохновенный, безбожный, безнациональный, бессердечный, технорационалистический «дух» всеобщего упрощения, опошления и усреднения по единым стандартам внешней жизни и превращает людей в однородные кубики для внешнего манипулирования. Она подменила аристократию (власть лучших) демократией, качество – количеством. Ныне культурное творчество возможно вопреки установкам технической цивилизации, благодаря остаткам «традиционного общества», где главным являются *естественные*, первичные общности, а не искусственные, вторичные, идущие от разделения труда и социальных институтов. Чувство родства, родного, Родины, национальные традиции и «животворящие святыни» объявлены уделом маргиналов. Овещение достигает апогея в условиях буржуазной социальности, когда меновая стоимость, деньги становятся единым критерием оценки *эффективности* социальной активности, и верховенство в экономике принадлежит *интернациональному финансовому* капиталу, спекулятивному и паразитическому по существу. Этот капитал не терпит национальных границ. Чтобы свободно функционировать, он взламывает независимость государств, ориентированных на национальные интересы, гасит чувство дома и Родины, денационализирует культуры. Ибо он – абсолютный космополит. Это его тошнит от Бога и Родины. Ему нужны «всепроникающая зависимость и глобальное управление», толерантные ко всему «общечеловеки»-потребители. Его идеал – отсутствие вообще государственных границ и мировое правительство, единая армия и единый рынок. Его стратегия – «мондиализм» (от франц. «мир», «земной шар»), или, иначе, глобализм. Она предусматривает «однородное человечество», всеохватный контроль «избранных» в планетарном масштабе (демократический Гулаг), некую «постысторию» общечеловеков без

«надежд и без отчаяния, без иллюзий и без прозрений», «без радости и без горя, без любви и без ненависти» (А.А. Зиновьев); все как в легенде Ф.М. Достоевского о великом Инквизиторе.

Современная техническая цивилизация – техногенная и предельно овещненная, бездуховная и безбожная, бессердечная и бессовестная», пошлая и предельно циничная. Технически она может почти все, духовно – уже почти ничего. Люди задыхаются в «застенках» овещненных параметров жизни. Установки на потребительство и внешние наслаждения, на корысть и прибыль поразили человека в его *творческой, духовной* основе. Он увяз в паутине вещной полезности и не видит «неба». Эта цивилизация завела человечество в тупик. Кризис духовный и человеческий налицо. Нужны принципиально новые пути, мотивы, стимулы развития и роста, новые идеалы и идеология. *Нужна смена вещной связи между людьми человеческой общностью.*

Что на самом деле предвидел К. Маркс? Маркс дал непревзойденную критику овещненной буржуазной социальности. Рукописи к «Капиталу» обнаруживают подлинный смысл его учения. Под коммунизмом он понимал по существу *культуру как новую историческую ступень*. Его идея состояла в снятии отчуждения и возвращении людей из плена овещненной социальности к себе самим как к свободным субъектам, контролирующим свой общественной жизненный процесс и властвующим над ним. Но эти контроль и власть выступают не целью, а средством для цели свободного развертывания всей полноты и богатства человеческой субъективности. Опираясь на технологическую ступень свободы, люди достигают социальной и духовной ступеней свободы, и начинается история развития именно людей, а не производительных сил, форм собственности и т.п. «Смыслообразующая антропология» (К.Н. Любутин) всегда направляет Марксов анализ, включая учение о формациях.

Рассматривая положение человека в истории, Маркс выделяет три «Формы общества» или «ступени»: «отношения личной зависимости» (добуржуазные формы общества), «личная независимость, основанная на вещной зависимости» (буржуазная социальность), при которой образуются «система всеобщего обмена веществ, универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных потенций»; «свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на превращении их коллективной, общественной производительности в их общественное достояние» – такова третья ступень. «Вторая ступень создает условия для третьей» [10, с.100-101].

В работах К. Маркса коммунизм и культура как ступень истории – это разные проекции *одного и того же содержания*. Дело в том, что Маркс понимал историю двояко: объективно-научно и ценностно. В первом случае

она берется со стороны *объективированного* человеческого содержания (учение о формациях, об экономике и политике, базисе и надстройке и т.д.), во втором – в аспекте ее *субъективно-человеческого* («экзистенциального») содержания. Постбуржуазная ступень истории, взятая в *субъективно-человеческом содержании*, – вот то, что мысленно прозревал Маркс и чем он вдохновлялся в научном поиске, предвидя смену техногенного жизнеустройства антропогенным, вещной социальной связи – *человеческой* общностью. Положения К. Маркса о снятии всех форм отчуждения, о человеке как «самоустремленном», «самодетельном» существе, о самоизменении и «самообновлении» людей путем обновления предметного мира богатства, форм деятельности и общения; о труде как о «самоосуществлении» и самодетельности людей, о всеобщем труде, предполагающем в работнике всеобщие по культурной значимости продуктивно-творческие силы, о «свободном развитии каждого как условии свободного развития всех» и др. раскрывают подлинное содержание учения Маркса о культуре как новой ступени истории, «Но как таковой коммунизм, – отмечал он, – не есть цель человеческого развития» [11, с.127]. Ибо он необходим для снятия отчуждения, а положительное содержание составляет антропогенное общество самодетельности, культура. Отчуждение было необходимо: люди стихийно объективируют свои силы, закрепляют их предметно, ставят пред собой, технически рационализируют, овещняют себя и лишь затем усваивают их и живут ими без превращенных форм. Для снятия овещнения и отчуждения необходимы экономические и социально-политические меры (социализм). Но эти меры не должны отрываться от смыслообразующей антропологии, от субъективно-человеческого содержания социальных процессов, а вытекать из них. Антропология первична. Социализм или какой-либо иной креативный тип социальной связи возможны как прикладная антропология. Культурологический подход есть разновидность антропологического. Ибо культура – «раскрытая книга» человеческой субъективности в ее положительном выражении. В отечественной философии наследие Маркса было сведено к его экономическим и социально-политическим разделам. *Культурно-антропологическая* сущность его философии так и осталась в тени. Философия Маркса имеет не только *критическую, отрицательную* сторону по отношению к буржуазной действительности, но и *положительную*, продуктивно-творческую по отношению к грядущему. Причем первая сторона *производна* от второй. Ибо отрицание производно от утверждения чего-либо. Так же различаются и толкования диалектики Марксом. В первом случае он акцентирует *разрушительность противоречий* буржуазной социальности, во втором – *созидательный характер противоречий* в условиях, когда люди «начинают производить как люди», а не как только

технологические агенты производства и персонифицированные носители буржуазных овещенных отношений.

Для развития продуктивно-творческих сил человека, для достижения социальной и духовной ступеней свободы адекватной является культура, антропогенное, а не техногенное жизнеустройство, субъектный, а не объектный уклад жизни. Хозяйство, государство, наука, техника есть как бы руки, которыми, по мысли И.А. Ильина, человек берет мир. Культура не отсекает эти руки, а «духовно направляет их». Она есть явление «внутреннее», органическое» и захватывает «самую глубину человеческой души» [5, с.300]. Методология культуры не отрицает достижений цивилизации, будь то оптимальность в конструировании техники, в рационализации внешней жизни. В бедах технической цивилизации повинны не техника, деньги, право и наука, а *неверная субординация ценностей*, вытекающая из потери духовного единения людей. Дух есть целостная субъективность, устремленная к совершенным, объективно лучшим содержаниям. В культуре внутреннее, духовное направляет внешнее, материальное: духовный смысл направляет технику жизни, а нравственность – право, жизненность государства основывается на правосознании и добровольной лояльности граждан, хозяйственные вопросы разрешаются путем воспитания людей «к братству и справедливости» [5, с.301], качество внешних преобразований определяется внутренним, духовным преображением людей, согласие в душах вносит согласие во внешние дела; социальные институты есть не самодовлеющие инстанции, а органы общей воли для развертывания инициативы и самостоятельности граждан, промышленные и социальные технологии есть лишь средства решения национальных общенародных задач, и успешность их решения зависит не от форм собственности (фетишизм собственности), а от целей управления, которые вытекают из духа и культуры народа, его традиций и святынь; главным общественным богатством является не столько мир вещей, сколько дарования и способности людей, целостный человек, несущий в себе потенции культуры, личность как субъект самоопределения и творчества; поэтому эффективность производства определяется не вещными, а человеческими показателями (здоровье, образование, культура и др.); культурное воспроизводство людей определяет собой уровень внешнего обустройства жизни – как вести хозяйство, какие технологии предпочтительны и какие притязания государства целесообразны; базисным является не производство средств производства (группа А), а культурное воспроизводство людей в педагогическом комплексе (воспитание, образование, обучение), которое непосредственно определяет дух и культуру, интеллектуальный и профессиональный потенциалы народа, а значит и производство средств жизни, ранг в международных отношениях;

самоцелью выступает духовное возвышение людей, целостное развитие их творческих сил в актах самостоятельности и совместного самообновления предметного мира, деятельности, общения и мышления. Ибо духовная сущность человека универсальна и целостна. В целом, содержание тенденций культуры заключается в *преобразовании социальной связи из вещной формы в человеческую общность*.

Тенденции техногенной цивилизации сегодня. Современные процессы глобализма наполнены старой дрянью – переделом планеты ради эгоистического интереса «золотого миллиарда». Справедливое объединение народов ради общежития, когда отношения между народами строятся на нравственных отношениях, признанных между порядочными людьми, тенденция к такому объединению блокируется и уродуется антиисторическим, реакционным сопротивлением и агрессией пошлого планетарного эгоиста – транснационального финансового капитала. Это – попятное движение истории к новой крови, к новым страданиям и слезам «неизбранных». На этом пути культура как положительная социальность, как воплощение духа совершенства в зримые образцы человеческой субъективности, больше невозможна. Зачем же России вписываться в «мировую техническую цивилизацию», которая клонится к закату? Разумнее предложить практически свои «правила игры», соединяя традиции отечественной культуры с процессами обновления. Классики отечественной культуры как досоветского, так и советского периодов не принимали буржуазную социальность по религиозным и духовно-нравственным соображениям. Христос дал Откровение о совершенстве, доступному лишь любящему сердцу: «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный» и «любите друг друга». Глобалисты же объявили XXI век «постхристианским», т.е. люциферианским! Модерн Просвещения на наших глазах вырождается в социал-дарвинизм, социальный расизм. Постхристианский Запад творит второе распятие – отрицание образа Спасителя в человеческих душах. Поэтому А.С. Панарин советовал: «наследием современного антиглобализма должна стать патристика. Восточные и западные отцы церкви, выстраивающие христианскую картину мира в борьбе с язычеством и языческими уклонами в асоциальный натурализм вещизма и инстинкта, сегодня являются нашими непосредственными учителями» [15, с.351].

А.С. Панарин был глубинным аналитиком и дал мудрый совет по выходу из общепланетарного кризиса. Весть евангельская явилась смысловым прорывом к *человеческой общности*. И эта Весть была столь созвучна заветным чаяниям народов, что апостолы без радио и телевидения христианизировали планету. *Путь к культуре как к грядущей ступени человеческой истории, – это путь, указанный Спасителем. А спастись*

надо. Размышляя о планетарном кризисе, В.И. Плотников пишет: «В наше время недовольство условиями человеческого бытия стало всеобщим. Еще в XIX веке значительная часть людей верила в прогресс и возлагала надежды на то, что развитие науки и техники принесет с собой рост благосостояния, а усиление натиска на природу и ускоренное преобразование традиционных форм социальной жизни людей приведут к торжеству свободы и подлинной человечности. В следующем веке этим надеждам пришел конец». Попытки добиться локального (национального или классового) благополучия за счет прямой диктатуры и властного передела территорий, продолжает автор, принесли одни беды: «кошмар концлагерей, безумие мировых войн, дикий разгул национальной вражды» Духовная притягательность всех старых ценностей в XX веке была безвозвратно утрачена, а жизнь человечества потеряла смысл» [16, с.398]. Автор констатирует: «На наш взгляд, цивилизация исчерпала себя в принципе как тип родовой жизни людей. Ее нельзя рассматривать ни в качестве синонима культуры, ни в качестве предельно развитой формы бытия... В свое время цивилизация как гетерогенный тип организации человеческого бытия с необходимостью пришла на смену первобытности – гомогенному типу организации жизни людей. Ныне цивилизация изжила себя, и никакие проекты ее обновления уже не в силах вырвать человечество из тисков жесточайших противоречий» [16, с.399-400].

Да, пока «кощеево яйцо» цело, человечество будет корчиться в судорогах. Производство капитала имеет смысл, если есть прибыль. Прибыль есть до тех пор, пока есть сбыт прибавочного продукта. Рост на планете сектора капиталистического производства таит смертельную угрозу капиталу: кому сбывать прибавочный продукт? Ведь если производство капитала станет всеохватным, то угроза станет во весь рост. Раньше было легче – были колонии, и процветал неэквивалентный товарообмен. Отсюда и запредельная норма прибыли. Колониализм ушел в прошлое благодаря Советскому Союзу. В XXI веке проблема сбыта решается путем неоколониализма, а также путем кредитования (разумеется, под проценты) «развивающихся» стран для того, чтобы туземцы могли покупать прибавочный продукт, и заодно платить по растущим долгам. Но и эта мера не долго действует, так как быстро истощает национальные ресурсы потребителей, и хитрость «благодетелей»-кредиторов разоблачается самой жизнью. Возникают такие национальные фигуры, как Уго Чавес, Президент Венесуэлы. Новый метод продлить капиталистическое производство в XXI веке состоит в установлении «нового мирового порядка» – создать на *длительный период* рынки сбыта прибавочного продукта путем деиндустриализации стран-потребителей, путем радикального лишения этих стран всякой возможности встать на ноги экономической и политической

независимости и вести свою игру на экономическом рынке. Именно такова стратегия стран «золотого миллиарда» – не только деиндустриализация, но и ликвидация интеллектуальных, духовных и культурных ресурсов и превращение в сырьевые приатки для Запада почти всех стран планеты. Мера радикальная. Для ее реализации придуманы легенды: «радикальный либерализм», т.е. призыв срочно освобождаться от государственного, тем более от всякого «народного контроля»; «демократия» и «права человека», «толерантность» и «политкорректность», разумеется, в толковании стратегии глобализма. Так как К. Маркс указал, где таится «кошечье яйцо», то Маркс и его последователи объявлены тоталитаристами. В философии легализуется «шизофренический дискурс» постмодернизма, в котором ценятся «неясная логика» и «слабое мышление», децентрализация и десакультализация всего и вся, и осуждается употребление этических понятий «справедливое-несправедливое», «заслуга-вина».

Религиозным мотивом капиталистического производства (у его истоков) был догмат «избранности», провозглашенный в самой радикальной секте протестантов – в кальвинизме. Этим догматом капитализм и заканчивает свой последний цикл, придав догмату «избранности» практически осязаемую форму социального расизма.

Вырожденная буржуазная социальность деформирует мышление, всю область духа. Это – эрозия первоосновы мышления и духа в форме угасания их *предметности*, подмена философии «филологией», мышления – игрой терминами; эрозия базисных ценностей и потеря их *вертикали*; сведение субъективности с духовного уровня на *душевно-чувственно-телесный*; резкое сужение горизонта сознания, локализация сознания на обыденном и банальном, *фрагментация*, дробление схем синтеза; *угасание объективности* в истолковании событий, какая-то бестолковость в виде потери способности к объективно обоснованным выводам из очевидных фактов общественной жизни в областях экономики, политики, права, нравственности; курс ведущих государств планеты на *свертывание фундаментального* уровня науки и на превращение его в утилитарно-прикладной уровень, дающий «инновации» и прибыль в области потребления продукции, ширпотреба; намеренная банализация общественного сознания средствами массовой информации, популяризация легенд, паранауки; люциферьянская иступленность в *десакультализации* всего и вся, начиная от религиозных святынь до интимности пола. Сегодня на Западе, отмечает известный экономист Михаил Делягин, «технологический процесс фактически встал. За последние 15 лет не появилось ничего принципиально нового – только улучшение того, что было сделано раньше» [4]. Российскую Академию Наук с подачи Министерства образования и

науки Федеральное Правительство намерено упразднить в ее прежнем качестве!

Деформации мышления, духовной сферы вырастают, конечно, не из техносферы самой по себе, а из *превращения социальной связи в овещенную связь ценой нарастающей утраты человеческой общности, нравственных императивов экономики, политики, управления*. Нравственность есть *чистая форма выражения человеческой общности*. С ее разложением распадается вся культура, все хозяйство и вся политика и все правосознание. В нравственных отношениях субъекты *признают равноценность достоинства друг друга*, поэтому свободно доверяют друг другу; так рождаются братство и духовная солидарность между отдельными людьми и между народами. С такого признания и начинается нравственность, которую не следует путать с моралью. Мера в признании равноценности достоинства исторически меняется. Нравственный прогресс состоит в приближении к полному признанию достоинства как на уровне личности, так и на уровне того или иного народа. С отрицания равноценности достоинства и начинаются все формы деформации, будь то экономический гнет одних другими, использование политиком своей должности в своекорыстных целях, псевдонаука и псевдодемократия. Грех материализма связан, в частности, в сведении нравственности к неглавной, несущественной форме социальной связи, по схеме «остаточного принципа». Религия, вне всякого сомнения, усиливает нравственные императивы тем, что сообщает нравственности *абсолютную основу*: если душа каждого есть образ и подобие совершенства Божия, то субстанциально, по происхождению, душам всех людей присуще равное достоинство; т.е. религия объясняет доступно каждому, почему наши души равноценны по своей субстанции. Но и для людей, не разделяющих религию, нравственные императивы в экономике, политике, культуре, в личной и гражданской областях жизни призваны быть *основными ценностными ориентирами*. Мы это утверждаем на следующем основании. С позиций материализма, а он, как правило, ориентирован на внешний опыт и на внешнего человека, экономика первична, а нравственность вторична. Нравственность вырастает из сытого желудка как клеверный листок из чернозема. Вот материалисты и обустривают жизнь в ее внешнем измерении. При этом материалистически ориентированные субъекты распространяют *метод естествознания на человеческую реальность* в ее субъективном и объективном выражениях. Тем самым они грубо смазывают *различие между объектами естествознания, не обладающими свободой воли, и разумными существами со свободой воли*. Для них отношение между материальной жизнью и нравственностью подобно отношению между температурой металла и его объемом: если металл нагреть, то его объем увеличится. Такое понимание выдается за «научное», объективное. Из-за

такого понимания, в частности, и рухнул Советский Союз. Подобные материалисты вообще не понимают природу нравственности, которая всегда, во всей писаной истории, исходила и ныне исходит из *должного*, а не из того, что существует под носом, в ближайшем окружении. Исходить из *должного*, значит исходить из *наилучшего* – *что свое достоинство и достоинство других в равной мере. Нравственность императивна, повелительна – «да будет так»! Наперекор всем обстоятельствам!* Таково ее кредо. Ныне Россия зарастает алчностью, коррупцией, преступлениями, воровством народного достояния, пьянством, вседозволенностью по отношению к социальным нормам общежития. Такова практика. Что же, следует «адаптировать» молодых специалистов к такой практике? Ибо практика первична, а теория вторична? Нравственность повелевает признать равноценность достоинства лиц и согласно такому признанию реализовать *должное* общежитие, в котором «свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех». Ни из какой практики этот благородный принцип не следует. Из практики следует нечто иное: урвать себе побольше и удрать. Так велит инстинкт, который тоже целесообразен, но граница его целесообразности крайне узка. Нравственность же согласует цели различных субъектов на основе равноценности их достоинства и повелевает созидать хозяйство и культуру на такой основе. Нравственность, следовательно, по своей природе не может быть *непервичной* по отношению ко всем отношениям – и экономическим, и «идеологическим». *Первичность нравственности* есть иное выражение *первичности людей* по отношению к их внешним произведениям по логике: «творец первичен, его творение вторично». Указанные материалисты, считают наоборот – *первично творение*, а не творцы, *первична экономика*, а не нравственность, которая на самом деле и есть идеология человека, всегда обосновываемая и усиливаемая религией.

Уязвимая пята материализма. Поскольку материализм упрощает человеческую жизнь вопреки тенденциям культуры, то следует критически отнестись к *уязвимым* моментам этой формы философии. Нас интересует не гносеологический, а аксиологический аспект.

Ф. Энгельс дал ясное различие между идеализмом и материализмом. Согласно идеализму и религии «дух существовал прежде природы», материалисты считали «основным началом ... природу» [18, с.283]. Он иронизировал над точкой зрения обывателя, согласно которой материализм есть доминирование всего телесно-материального в жизни людей – «обжорство, пьянство, похоть, плотские наслаждения и тщеславие, корыстолюбие, скупость, алчность, погоню за барышом и биржевые плутни». Идеализм же означает у филистера «веру в добродетель, любовь ко всему человечеству и вообще веру в “лучший мир”» [18, с.290]. Первичность

природы Энгельс признает как принцип философии, а вот первичность материального в жизни человеческой он, по-видимому, не признает, ведь это – обывательская позиция. Почему обывательская? Ведь материально-телесные излишества («обжорство, пьянство, похоть» и т.п.) – это и есть *первичность природы* в конкретной жизни. Выходит, теоретическая философия – это одно, а действительная жизнь людей – это особая статья. Зачем же тогда нужна материалистическая философия? И почему «филистеры» настойчиво толкуют материализм так, как они его в практической жизни и воспринимают?

Первичны ли природа или Творец – это дело веры. Получается, что материализм имеет силу только как общий принцип о первоначале, т.е. в области веры. Когда же люди безмерно потакают одному из видов материального – природе, разнуздывая разного рода инстинкты, то это уже не материализм. *Материализм основан на вере* в вечность природы. *Материализм есть религия природы, материи*. В этом убеждаешься, во-первых, при чтении работ по «диалектическому материализму», в которых главным является доказательство первичности материи, факторов внешней жизни, а не исследование действительности. Поэтому толстые книги по «методологии» вызывали скуку. Из года в год демонстрация догматики философской веры окончательно парализовала самостоятельную творческую мысль. Как схоласты Средневековья растворили человека в Боге, так и схоласты материализма растворили человека в материи. Во-вторых, инакомыслие в лагере материалистической философии советского периода относительно основ философии считалось *ересью*, как и в иной религии, и не допускалось – увольняли с работы, «беседовали». Чем это можно объяснить? Ведь философия вообще начинается со свободой мышления субъекта. Только религиозным отношением к материализму. В-третьих, Маркс с Энгельсом были атеистами, они разработали концепцию справедливого в социальном отношении общества. В России большевики приступили к его строительству, но *противоположными* методами: начали с уничтожения «религиозных корней», в частности православия, церковей, вскрывали мощи святых для разоблачения «обмана». Почему же истреблялась религия, священство и все, что относилось к православной культуре, включая философию? Вместе с верующими большевики создавали бы справедливое общество. Во-первых, православие, как и ислам, всегда выступало и выступает за справедливость, за нравственную природу труда. Во-вторых, атеизм основателей коммунизма – это их личное дело. И не было необходимости их *личное* дело утверждать как *дело публичное* и общеобязательное. Из *теории коммунизма никак не следует необходимость атеизма и уничтожение религии*. Причина ясна. *Одна религия столкнулась с другой*. Какая из них была примитивной, это сегодня очевидно. Материализм

борется с духовной религией, будучи сам религией, исходящей из *чувственной достоверности*, т.е. из исходной стадии чувственного сознания, шаткость которой прекрасно описал Гегель в «Феноменологии духа». Вот такая «научная философия» и такое «научное мировоззрение»! Материализм советского периода не прошел школы богообщения, *религиозного духовного опыта*, поэтому он работает на *понижение ранга ценностей* следующим образом.

Материализм есть ценностный редукционизм. Он сводит Бога к материи, нравственность – к экономической пользе, искусство – к иллюстрациям идеологии или к коммерческим зрелищам, художника – к «шоумену» и т.д. Лишив людей духовного абсолюта, материализм изъясляет *единую* основу ценностей. Вне связи с абсолютным сознание стало вращаться в мире относительных ценностей, в «плюрализме без берегов». Оно стало всеядным и ныне пьет до дна горькую чашу релятивизма и вседозволенности. Мораль превратилась в служанку внешних обстоятельств. Материализм не выводит личность из мира относительных ценностей (которые хороши относительно данного лица, данного класса и т.п.) к ценностям *абсолютным*, к объективно лучшим и совершенным, которые могли бы стать полем общего признания, взаимного доверия, верности, служения и творчества. Тем самым он лишает личность верной иерархии ценностей и верных ориентиров в жизни – в воспитании, в армии, управлении государством и др. Материализм предлагает личности застыть на чувственно-душевной точке зрения, и тем самым творит обрезание души от духа.

Материалисты не отдают себе отчета, в какой кампании они находятся: совет дьявола Спасителю «превратить камни в хлеб», а потом спрашивать о добродетели, возведен в материализме в целую «научную» теорию – в жизни человеческой материальное первично, а духовное вторично; ибо второе есть «отражение» первого. Ссылки на физику и химию для обоснования своего философского тезиса весьма комичны уже потому, что классическое естествознание создали люди, вдохновленные религиозной верой. Материализм, как ни верти, есть искушение теоретическое, обосновывающее искушение практическое – буржуазную техногенную цивилизацию. Не случайно, вчерашние материалисты-коммунисты принялись лихорадочно строить буржуазное общество, поддавшись соблазнам телесно-чувственных наслаждений.

Материализм делает ставку на обустройство внешней жизни: экономика определяет, каким должен быть человек, его мораль, идеология, что экономично, то и нравственно и т.п. Из исходного тезиса о первичности материального следует агрессивно-технократическая манера все покорять и перестраивать ради «полного удовлетворения» потребностей, ради «счастья»

(полноты наслаждений). Создаются средства возбуждения все новых наслаждений. Пресыщение ими рождает погоню за необычными рецепциями, проектируются новые стандарты потребления, толкуемые рекламой как престижные. Ради новых рецепций воинствующие материалисты готовы перекроить солнечную систему, не говоря уже о насилии над землей, генетической конституцией человека, его половым статусом и о глумлении над алтарями и религиозными символами («осторожно – религия!»). Материализм, таким образом, отрывает инстинкт от идеала, душу от Бога, разнуздывает упрощенные потребности, дразнит воображение внешними наслаждениями, сеет в него несбыточные утопии о земном рае, ведущие к разрушительному фанатизму и радикализму плебейской части народа.

Логикой покорительства всего и вся материалисты избрали диалектику, начисто лишив ее *положительного ценностного* вектора. Тайну материалистической диалектики ясно раскрыл Ф. Энгельс. Для диалектики, писал он, «нет ничего раз навсегда установленного, безусловного, святого». На всем и во всем она видит «печать неизбежного падения, и ничто не может устоять перед ней, кроме непрерывного процесса возникновения и уничтожения». Вот то «абсолютное», что признает диалектика. Такая диалектика заимствована из области естествознания и является ценностно нейтральной, тяготеющей к дьяволиаде. Если дух есть «высший цвет материи» (Ф. Энгельс), то и при такой гипотезе основные ценности мировоззрения надо выводить не из бессознательной материи, а из ее «высшего цвета».

Материализм грубо занижает значение духа народа, деформирует всю систему воспитания, упрощает культуру, сковывает развитие духовного потенциала народа, ущемляет полноту народной жизни и содействует проигрышу России в геополитическом масштабе. Ведь не случайно, руководство России приняло верную меру – ввело священников в состав вооруженных сил страны.

Материализм понимает социальность в ее внешнепредметном выражении, не постигая того, что внешние преобразования производны от духовного преображения людей; что благо народа зависит не от форм собственности, а от целей управления, а такие цели следуют из духа народа, его религии, культуры, традиций и святынь; что «самое глубокое единение людей возникает из их духовной однородности, из сходного душевно-духовного уклада, из сходной любви к единому и общему, из единой судьбы, связующей людей в жизни и смерти, из одинакового созерцания, из единого языка, из однородной веры и из совместной молитвы. Именно таково национальное единение людей» [5, с.323]. А.С. Пушкин сплотил духовно русский народ неизмеримо выше, чем рынок и товарно-денежная связь.

Материализм же предлагает объединять людей на основе технологий, экономики и права.

Материализм своим обоснованием классовой борьбы и классовой природы государства провоцирует на перманентную гражданскую войну, на самое свирепое самоистребление народа на радость недругам России.

В целом, материализм есть философия внешней жизни внешнего человека. Он дезориентировал сознание тем, что стремительно понизил ранг ценностей и подменил высшее низшим, что и составляет суть *пошлости*. Материализму нечего противопоставить современной пошлости в России потому, что *пошлость есть его идейная суть и практика, его тайна и разоблачение этой тайны*. Сегодня в России материализм справляет свой праздник. *Материализм не знает культуры духовного делания*. Он противоречит духовному наследию отечественной культуры и является инородным для системы российского образования. Он влияет своим популярным упрощением на национальную культуру так же, как мазут на чистоту родниковой воды. Объективный метод понимания реальности не является монополией материализма. Напротив, своими упрощениями материализм лишает субъекта *полноты* миропереживания и понимания, в частности, социальной реальности, включая духовные процессы. В общественных процессах материальное переводится в идеальное, а идеальное переводится в материально-предметные устойчивые формы. Поэтому нет необходимости настаивать на первичности именно материального или идеального. Идеальное направляет, регулирует и ведет, материальное составляет опору, поставяет материал идеальному. *Оба измерения человеческой общественной жизни в равной мере необходимы, но по-своему*. Если философский идеализм, по В.И. Ленину, есть «*одностороннее преувеличение*» одной из граней познания в «абсолют, оторванный от материи, от природы, обожествленный», то и философский материализм тоже есть односторонняя крайность – «*одностороннее преувеличение*» одной из граней познания в абсолют, оторванный от духа и Бога.

Материализм и идеализм в качестве крайностей рассеиваются в условиях человеческой общности, креативной культурной антропологии. Меньше всего наши рассуждения касаются лично кого-либо. Более того, лица, декларирующие свое материалистическое миропонимание, довольно часто в реальной жизни – бессеребренники и «идеалисты». И, наоборот! Вероятно, срабатывает какая-то тенденция к «компенсации». Чего? Наверное, односторонности!; причем, в самой реальной жизни; односторонности, порождаемой *разделением* видов деятельности (труда). Изложив односторонности и крайности реальной жизни, а затем свое понимание человека, *полноты* его жизненных проявлений, К. Маркс,

которого относят к «материалистам», далее пишет: «Мы видим, что только в общественном состоянии субъективизм и объективизм, спиритуализм и материализм, деятельность и страдание утрачивают свое противопоставление друг другу, а тем самым и свое бытие в качестве таких противоположностей; мы видим, что разрешение *теоретических* противоположностей само оказывается возможным только *практическим* путем, только посредством практической энергии людей, и что поэтому их разрешение отнюдь не является задачей только познания, а представляет собой *действительную* жизненную задачу, которую *философия* не могла разрешить именно потому, что она видела в ней *только* теоретическую задачу» [11, с.123]. Преодоление этих односторонних крайностей, размышляет Маркс возможно в процессах самоосуществления людьми своей универсальной общественной природы – как в актах свободной самодеятельности, так и в ансамбле всех форм общения, общественных отношений. Коммунизм Маркс накрепко связывал именно с антропологией, с его креативными, продуктивно-творческими силами, которые человек реализует как преобразуемый мир, государство, общество и затем вбирает в себя опредмеченную свою сущность, обогащает, обновляет себя и вновь себя же осуществляет, т.е. не застывает только на «материальном» или «идеальном», а процессуально объединяет их в *полноте* своего жизненного общественного процесса. Даже «страдание, понимаемое в человеческом смысле, есть самопотребление человека» [11, с.123], к последнему относится не только одно наслаждение. Примечательно, что в своей антропологии Маркс исходит по-преимуществу не из отношения «предметно-чувственный мир → человек», где человек выступает существом отражающим, воспринимающим, страдающим, но из отношения «человек → предметно-чувственный мир», в котором субъект объективирует свои потребности, стремления, творческие силы, и этот мир представляет, так сказать, в «эквивалентной форме»; как «раскрытую книгу» универсальности человека, его чувств, наслаждений, страданий, мышления, воления; как объективированную человеческую субъективность. Именно это последнее отношение доминирует во всех работах Маркса, который продолжает *субъектную философию*, особенно Канта, Фихте, Гегеля. *Субъектный вектор* его философии не был осмыслен в должной мере в дальнейшем. Он был «занавешен» в марксоведении анализом частных аспектов наследия этого выдающегося мыслителя.

Остается отметить, что Маркс жил на лондонском меридиане и рассмотрел на ту свирепость, с какой кальвинисты отстаивают свою частную собственность. Ведь ее возрастание, согласно протестантизму, – верное свидетельство богоизбранности. В России не было протестантского мотива накопления, поэтому и толкование частной собственности, например

И.А. Ильиным, было намного иным. В России проблема отчуждения особо никого не занимала ни в философии, ни в жизни.

Итак, следует различать культуру в узком и широком смысле: культуру как положительную социальность, как меру развития и духовного возвышения людей и культуру как *ступень истории* постбуржуазного периода, как *креативно-антропогенную общественную формацию*. В рукописях к «Капиталу» К. Маркс далеко выходит за рамки экономических формаций, устремляя свой мысленный взор к такому жизнеустройству, когда люди станут развиваться в своих универсальных креативных определениях. На наш взгляд, именно вектор такого устремления, скорректированный духовно-нравственными ценностями отечественной культуры, составляет перспективу в развитии человекознания и обществознания.

Тенденции перехода техногенной цивилизации к антропогенному обществу. XXI век станет по всей вероятности, переходом от техногенной цивилизации к культуре в процессе разрешения противоречий между:

- универсальной сущности человека и узкой стоимостной формой буржуазного производства;
- овещением социальной связи и человеческой формой этой связи;
- трудом материальным и духовным;
- стоимостной формой богатства и личностной формой богатства;
- прибылью как целью капиталистического производства и нравственными императивами человеческой общности;
- капиталом в его вещной форме и «человеческим капиталом»;
- объективной необходимостью кооперировать трудовые усилия народов в разделении труда в глобальном масштабе и эгоизмом развитых стран направить эту тенденцию на обогащение лишь «золотого миллиарда»;
- стандартами технорационалистического мышления с его инженерными схемами организации социальности и ценностным сознанием и др.

Изменится сама формация мышления. Тенденции культуры восстановят в правах *аксиологический синтез*, и мышление будет *разумным, социально интегральным, понимающим социум на основе социальной связи как человеческой общности*. Родовая природа человека получит адекватное осознание. Какие тенденции современной социальной действительности служат основанием для перехода от вещной социальной связи к человеческой связи, от техногенной цивилизации – к культуре как ступени истории?

В XXI веке существуют следующие новые тенденции, влияющие на мышление.

Во-первых, фактор *саморазоблачения* буржуазной техногенной цивилизации. В экономических отношениях постиндустриального общества первенство принадлежит уже не промышленному, а *финансовому* капиталу в *международном масштабе*, не продуктивной экономике, а «виртуальной», занятой манипуляцией курсом валют, ценными бумагами, финансовыми пирамидами. «Новые буржуа возвращаются к старой спекулятивно-ростовщической формуле: $D - D'$ », минуя цикл производства [14, с.475]. Благодаря электронным технологиям многомиллиардные массы валюты в секунды перемещаются в места с более высокой котировкой. «С этими целями в современном мире ежедневно пересекают национальные границы более 1,5 млрд. долларов». Незэквивалентный обмен состоит и в «виртуальной ренте», связанной с «потребительским престижем»: одни и те же товары, продаваемые в престижных магазинах, стоят в несколько раз дороже, чем в обычных магазинах. В виртуальной экономике «около 80% стоимости фирмы составляет ее репутация». Товар, созданный на Западе, стоит много выше аналогичного товара, сделанного на Востоке. Дело не в качестве товара, а в том, что «Запад выступает в качестве глобальной референтной группы, и его товары несут дополнительную стоимость символического характера, связанную с ложной идентификацией» [14, с.475-476]. Сначала не-Запад компрометируется как отсталое и непристойное пространство, а потом «с ним устраивают экономическую “игру на понижение”» [51, с.477]. Новый естественный отбор либералов глобализма, заключает А.С. Панарин, грозит «новой бестиализацией человечества. Зверем уже сегодня пахло. И дорогу зверству расчищает так называемый либерализм, призывающий не вмешиваться в действие механизмов естественного отбора. От принципа минимального государства либерализм постепенно пришел к принципу “минимальной” морали и культуры – они тоже не должны мешать естественному рыночному отбору» [14, с.486-487].

Бегство от созидательного творчества, от культуры в язычески разнузданную чувственность, в культ гедонизма, отключки от нравственных императивов в экономике и политике, двойные стандарты в международном праве, откровенный цинизм в попирании суверенитета государств, отстаивающих свои национальные интересы и др., все это печать увядания, деградации. На Западе молодежь бьет стекла витрин с лозунгами «Долой империализм!». Нравственность, совесть не отменяют никакие либеральные идеологемы. Абсолютным пределом для капитала является *узость его экономической формы*, сковывающей самостоятельность и самореализацию общественного человека. Стоимостная форма продукта будет и в обозримом будущем. Благодаря стоимости можно устанавливать *пропорции в обмене* товарами. Однако превращение стоимости в *самоцель* производства,

сведение полноты жизни и труда к стоимостному индикатору есть та *уязвимая* пята капитала, через которую капитал будет подвергаться эрозии, размыванию. На первый план выйдет не абстрактный, а *конкретный* труд. Стоимость сохранится в качестве *учета трудовых затрат*, а не как цель производства. А это обстоятельство является важнейшим в преодолении овещения и социального фетишизма. Производство прибыли как цель, оценка социальной эффективности усилий людей только в деньгах – это социальная редукция, враждебная культуре и исторически преходящая форма хозяйствования, своего рода смута в общественном сознании. Общественное богатство существует в трех формах – *натуральной, стоимостной и субъективно-личностной*. Труд, создающий реальное богатство (ценности для потребления и продуктивно-творческие силы человека) превратился в *средство* созидания *богатства вообще*, в созидание «сумасшедшей» формы богатства (финансовый капитал). Реальное богатство, оцененное рабочим временем, получает количественную – стоимостную оценку. Стоимостная форма богатства утвердилась как самоцель! Количественный параметр богатства взял верховенство над его качественным креативно антропологическим содержанием. Подобно тому, как количественный принцип демократии доминирует над качественным, который присущ самоуправлению и народовластию. Но ведь стоимостные показатели вполне можно использовать как инструмент, как средство для реализации *нравственных императивов* – измерять эффективность производства людьми собственной жизни *отношением производства к общественным потребностям, к целостному развитию индивидов, к реальным возможностям науки открывать глубинные закономерности «звездного мира»*. При таком критерии эффективности на первый план выйдет не абстрактный, но *конкретный труд*, определяемый конкретными общими целями. Только конкретный труд может утвердиться как *самоцель*. Тем самым изменится вся социальность, она обретет иные, ценностные критерии жизни и мышления.

Во-вторых, это факторы, создающие условия для сужения *социальной опоры буржуазной социальности* и для роста числа *сторонников, требующих «смены курса»*. В области *технологической* происходит революция, сущность которой заключается в передаче *интеллектуальных функций от работников техники*. Как *машинный* базис революционизировал сам процесс производства, резко увеличил производительность труда, скорость создания потребительных стоимостей в единицу времени и явился основой новой *экономической формы* – производства прибавочной стоимости, а через производство капитала модифицировал все общественные отношения, точно так же передача интеллектуальной функции технике привела к автоматизации, к созданию *информационно*

емких, научных технологий, которые проникают во все сферы общества – в производственную, экономическую, социально-образовательную, управленческую и др. Компьютерные сети локального и планетарного масштаба образом расширяют горизонт сознания, повышают долю самостоятельности в получении и обработке информации, убыстряют духовный обмен, внедряют инновационный подход в решении проблем, обновляют набор мыслительных схем и интенсифицируют мыслительные процессы, повышают производительность мышления. Главное состоит в том, что информационно-коммуникативная продукция быстро становится достоянием большинства и ломает принцип капитала: собственность на такую продукцию подвергается весьма легкой атаке в виде изготовления ее дубликатов, будь то программное обеспечение, фильмы, песни и др.

С развитием информационной техники производственные и социальные процессы в определенном смысле становятся на «голову». Дело в том, что *идеальное содержание* общественных процессов, получив техническую основу для своего закрепления, совершенствования и обновления, обретает такое значение, которое оно ранее не имело. Идеальное содержание в информационно-технической среде получает специальную разработку, совершенствование и прикладную форму для материализации. Роль идеального в опосредствовании процессов функционирования всех звеньев технических и социальных систем качественно возросла. Благодаря информационной технике идеальное превратилось в *предмет особой специальной разработки*, что ведет к быстрому обновлению интеллектуального содержания технологических и социальных процессов, к необходимости обязательной переподготовки кадров, к непрерывному их образованию, к необходимости поэтапного осуществления высшего образования для всех работников общественного производства. *Идеальное содержание в сознании совокупного субъекта становится исходным началом, с которого запускаются реальные процессы жизнеобеспечения и жизнеустройства, процессы обработки природы и процессы в отношениях между людьми.* Сбывается мифологема Платона об «эйдосах» как о чистых формах-эталонах, организующих все сущее, по крайней мере, в социуме. Идеализм может взять реванш в самой реальной жизни. Правота идеализма заключается в понимании атрибутивной роли идеального в жизни индивидов, одаренных сознанием и волей. Уже с середины XX века индустриальные технологии вытесняются производством информационной, наукоемкой продукции, эмпирическая подготовка работников – подготовкой научно-теоретической, главным становятся не мускульные усилия работников, а скорость реализации знаний, самым ценным товаром – «ноу-хау», а ведущей отраслью – «банки данных». «Индустриальная система *техноцентрична*, постиндустриальная – *культуроцентрична*» [1, с.392].

Взросшая роль идеального, знаний выражается в высокой стоимостной оценке инновационных научно обоснованных технологий, в переходе к «экономике знаний», предполагающей и «человека знаний».

С ростом автоматизации производства на основе информационной техники работники все в большей мере, как предвидел К. Маркс, перестают быть непосредственными *технологическими агентами* производства, встают над ним в качестве *контролеров и регулировщиков* технологического процесса. Уменьшение занятости в материальном производстве ведет к изменению профессиональной структуры общества: происходит сокращение количества работников, занятых в сфере производства *средств жизни* и резко увеличивается количество работников в сферах *культурного воспроизводства людей* в социальной сфере общества (образование, наука, искусство, культурный досуг и др.). Система образования уже сегодня определяет *духовный, культурный, личностно-продуктивный и профессиональный потенциалы общества*; качество образования непосредственно влияет на эффективность экономики, социальную стабильность, престижность тех или иных профессий, степень внедрения инновационных технологий. С ростом влияния *человеческого капитала* увеличивается значение образования, подготовки специалистов. Опережающая роль образования, т.е. живого интеллекта по отношению к интеллекту опредмеченному, становится очевидной. Общеизвестным фактом является «возрастание роли человеческого капитала, который в развитых странах составляет 70-80 процентов национального богатства, что в свою очередь обуславливает интенсивное, опережающее развитие образования, как молодежи, так и взрослого населения» [9, с.2].

Капитал в переводе с латинского означает «главный». В экономике под капиталом понимается определенное *экономическое отношение*, выраженное как *самовозрастающая стоимость* на основе производства при посредстве обращения: т.е. капитал понимается в сугубо *вещной форме*, за которой человеческое измерение скрыто. Человеческое содержание капитала после Маркса заново открыли специалисты по *культурной антропологии и этнологии*, исследуя образования социума в чистом виде на примере архаичных обществ, не знающих рыночных отношений [2]. Они ввели понятие *коллективного символического капитала* и доказали, что *собственно человеческие* связи образуют человеческий социум. Такой социум образуется на основе *духовной собственности людей*, – «тех ценностей, которые их объединяют без принуждения и которым они готовы сообща защищать»; коллективной памяти, деяний героев как образцов, а также габитуса как «способа согласования практик человека с заветами коллективной памяти, ставшими культурной нормой, одной стороны, и коллективными целями и проектами – с другой» [15, с.120-121]. А.С. Панарин весьма точно определил

символический капитал как «социально мобилизованную духовность, выступающую как инструмент людского социального сплочения» [15, с.119], единения в *человеческую* общность, где люди начинают производить как *люди* – производить не просто цемент, сталь или прибыль, а культурно воспроизводить полноту своей жизни во всем богатстве человеческой субъективности и взаимных отношений. Интеллектуально емкие производства, виды продукции, системы управления обязывают к подготовке в массовом масштабе и «интеллектуально емких работников», для которых монополия на культуру, управление, образование станет нестерпимой, и такая монополия будет крошиться на кусочки. В нее будут проникать могучие тенденции коллективов, регионов, стран с установками культуры. Будет происходить медленное, но неуклонное преобразование *техногенного* основания общества в *антропогенное*. Противоречие между мотивом буржуазного производства и работниками с научно-теоретической, эстетической и правовой подготовкой разрешится в пользу труда, а не капитала. В конце концов, сработают религиозно-нравственные мотивации.

В-третьих, это *факторы развития, альтернативные* мотивам и стандартам буржуазной цивилизации Запада. В силу их значимости рассмотрим их подробнее. Запад дал науку и технику жизни, а Восток – мировые религии. На Западе верх взяли *искусственные* общности, возникшие из экономических, политико-правовых, из разного рода инженерно-умозрительных схем прогресса. Восток сохранил «естественные» общности, основанные на взаимных симпатиях, на религии, этнокультуре, традициях. С точки зрения евроцентризма, «естественные» общности есть архаика, тяготеющая к «закрытости» «отсталости», «тоталитаризму» и т.п. Но, оказывается, «отсталость» есть сохранение культовых святынь, способность к самоограничению и к альтернативным, нравственным, формам регуляции совместной жизни, что в совокупности составляет основной человеческий ресурс для перехода от технической цивилизации к культуре, от техногенного, «научно» организованного общества, к антропогенному.

Ю.М. Бородай дал сравнительный анализ, какие формы регуляции оказываются в современных условиях более *обнадеживающими*. Результаты его анализа принципиально важны. На протяжении десяти лет до мировой войны царская Россия прочно удерживала первое место в мире по темпам экономического роста. Курс П.А. Столыпина Ленин назвал «аграрным бонапартизмом», т.е. превращением самодержавия из сословной монархии в «общенародный патерналистский режим с опорой не на дворянство или финансовый капитал, а, прежде всего, на корпоративно объединенных отечественных промышленников и крепких консервативных крестьян» [1, с.382]. Самобытный путь агропромышленной модернизации России был

прерван в 1917 году. Что было бы с Россией, если она завершила бы реформы Столыпина, гадать трудно, если исходить только из истории России. Но многое становится ясным из работы Бородай. Дело в том, что Бородай анализирует развитие Японии, которая *тоже начала свое обновление с «бонапартизма»* (революция Мейджи). Причем, его интересовали «те самобытные структуры дальневосточных “естественных общностей”, которые в небывало короткий срок, став технотронными, бросили дерзкий вызов Западу по самому важному пункту спора – эффективности массового производства». По самобытному пути модернизации уже после второй мировой войны пошли «новые индустриальные страны» (Тайвань, Сингапур, Корея, Таиланд), сумевшие совместить «новейшие технологии с традиционными отношениями между людьми со всем набором своих старинных нравственно-культовых ценностей». В ходе этого торгово-промышленного соревнования, подчеркивает Бородай, решаются вопросы исторической важности: станет ли «Закат Европы» реальностью?; что окажется эффективней – *«цивилизация или культура»*? Под культурой Бородай понимает, следуя П. Флоренскому и А.Ф. Лосеву, универсальные практические и научные, гуманитарные и технологические знания, «органично спаянные в одну систему со своеобразными моральными ценностями, имеющими у каждого народа культовое происхождение». Культура без «нравственно-культовых “предрассудков”», замечает Бородай, превращается в чисто рациональную холодную цивилизацию, в «химическую антисистему» (Л.Н. Гумилев).

Главное в самобытной модернизации Японии то, что «космополитической цивилизации Япония сумела противопоставить принцип своей национальной культуры, используемой в процессе модернизации как решающий *экономический* фактор» [1, с.383]. Производственная модернизация в Японии началась с радикальной «черносотенной» революции 1868 года, которая привела к власти «самодержавие, *опирающееся на крестьян*». Вся земля стала собственностью крестьянских общин без выкупа. Самураи становились наемными офицерами, чиновниками, организаторами промышленности; та же участь постигла и аристократов. Японцы не проходили мануфактурной стадии, низводящей работника до полускотского состояния. Машину они получили готовой. Они решали иную задачу: освоить чужой технический результат и «встроить его в систему иной социальности – традиционных своих отношений». Чрезвычайно полезным, подчеркивает Бородай, оказался «сохраненный как общенародное качество *творческий* навык самодеятельного кустаря (крестьянина или ремесленника) – то, что вынужден был безжалостно искоренять у своих народов молодой западный капитализм» [1, с.384]. Бородай открывает «парадокс» для прогрессистов и

наших доморожденных западников. «Оказывается, что незатронутому иноземной цивилизацией первобытному кустарю – японскому или корейскому, тайландскому! – легче достичь той высокой разносторонней квалификации, какую сейчас требуют самые продуктивные сложные технологии. *Гораздо легче им, чем западному “частичному рабочему”, прошедшему двух или трехвековую фабричную школу бессмысленного отупляющего труда*». Почему же легче? Отметим особенности ремесленничества.

- Рост удельного веса ремесленничества в современной России выражает *потребность людей в творческой самореализации*. Такая потребность порождена стандартизацией массового промышленного производства, бездарностью и безличностью его продуктов, их усредненным характером, создающим усредненных индивидов-кубиков. Такая потребность есть, далее, реакция на такое разделение труда, которое *разлагает целостность* деятельности и поражает индивида в самой его творческой основе. Разделение труда бывает по *предмету труда* (врач, инженер и т.п.) или по *составу способностей человека*, которые он реализует в самой трудовой деятельности; при этом за работником закрепляются репродуктивные функции (грузчик, работник на конвейере и т.п.). В первом случае целостность деятельности может *сохраняться*, во втором – нет.

- Деятельность ремесленника *целостная, менее подвержена отчуждению*, спекулятивным экономическим тенденциям рынка, продуктивная; в ней идеальное, целеполагание, замысел и его реализация не отделены друг от друга; она порождает продукт полухудожественного характера, который служит и для *личностного* культурного общения «ремесленник – потребитель». Такое общение выходит за рамки узко экономических связей и складывается по поводу обмена, взаимодополнения и взаимообогащения продуктивно-творческими силами индивидов. Тем самым ремесленная деятельность расширяет область глубинного общения. В деятельности ремесленника соединены личный труд, функции организации, управления, изучение спроса и др. Фигура ремесленника в городе подобна крестьянину на селе полнотой в реализации социально важных функций: производительно-продуктивных и идеально-проективных и т.п. Ремесленники – особая социальная группа с экзистенциальной полнотой бытия, могущая обновить образ жизни в городе.

- Целостная деятельность порождает общение, свободное от соображений односторонней *утилитарности*. Ибо потребление продукта ремесленного труда актуализирует культурные компоненты в сознании потребителя – эстетический вкус, национальную память о традициях, социокультурную символику и др. Тем самым сравнительно целостное

общение порождает и *целостность в сознании* как ремесленника, так и потребителя его продукта. Такой продукт уместно назвать *произведением*, а деятельность ремесленника отнести к «полухудожественной деятельности» (К. Маркс).

- Труд ремесленника вырастает всегда из традиций, соединяя их с инновациями. Транслируя традиции в обновленной форме, такой труд создает *культурно-продуктивную преемственность* поколений, актуализирует и закрепляет *национально-культурную идентичность* в сфере производства и общественного сознания, *расширяет область национально-культурных коммуникаций как внутри страны, так и между странами*.

- У ремесленника доминирует *самодеятельность*, моделирование новых вариантов, новых схем продуцирования, а не деятельность по заранее установленному *внешнему масштабу, равнодушному к индивидуальному своеобразию личности*, как это имеет место на больших предприятиях. Именно *самодеятельность сообщает конкретную креативность труду ремесленника*. Самодеятельность формирует творческие способности потому, что она есть, свободная деятельность, изменяющая сами схемы деятельности; развивает самоопределение, необходимое для творческого акта и переводит самоопределение в объективно выраженный процесс, содействует общению, просторному для самореализации человека как субъекта. *Креативно-антропологический аспект* такой деятельности состоит в *развитии продуктивно-творческих сил человека в их целостности* – мышления, продуктивного воображения, эстетического созерцания и др. продуктивных профессиональных способностей.

- Поскольку предметом самодеятельности являются способы человеческой же деятельности, то субъект не теряет себя в предмете, не отчуждается от себя в актах самодеятельности. За внешним отношением к предмету он усматривает *внутреннее отношение к человеческим продуктивно-творческим силам, которые запечатлены в предмете*. В самодеятельности отношение к опредмеченной деятельности подчинено отношению субъекта к самому себе, и живой труд господствует над опредмеченным. В отличие от деятельности по заранее установленному внешнему масштабу самодеятельность альтернативна косности; она – адекватная форма самореализации личности в творческом процессе.

- В самодеятельности происходит практическое закрепление способности личности к *самоопределению*. Эта способность – генетически исходная основа *субъектности, субъектных качеств личности – самоорганизации, самоуправления и нормотворчества*; в целом, *самостоятельность личности*, которая сама избирает варианты действия и поэтому сама несет ответственность. Тем самым ремесленничество как социальный институт крепит традиционное *общество самодеятельностью*

«снизу». Не случайно, в средневековых городах, основой которых был цех ремесленников (община в городе), процветала *конкретная* форма демократии – *демократия личного участия* (самоуправление) в отличие от современной *формальной* – представительной демократии, где избранныкам нет дела до электората. Любопытно, что фабрикантами становились, отмечает Бородай, не местные мастера, а «чужаки-переселенцы, ничем не связанные с местным цехом ремесленников», «с традициями данной страны вообще».

▪ Наконец, современный ремесленник может соединять в своей продуктивной деятельности основы науки и дизайна, национальные традиции, символику и инновации, разнообразя формы творческой самореализации. Высшее или среднее профессиональное образование, художественная подготовка и т.п. не инородны ремесленничеству. В целом, ремесленничество есть социальный институт, включающий в себя определенную духовно-ценностную доминанту, национальные традиции, креативно-антропологическое и социокультурное измерения, продуктивную деятельность, экономические формы и нормативно оформленные процедуры функционирования. В России советского периода (в «стране труда») не повезло ни ремесленникам, ни крестьянам, ибо труд организовывали «чужаки», далекие от национального уклада жизни. Меры по развитию ремесленничества в России есть инвестиции в продуктивную деятельность, в *креативно-антропогенную сферу*, в культуру, в социальную инфраструктуру.

Вернемся к Японии. Помимо технической квалификации не менее важным экономическим фактором, продолжает Бородай, оказывается сохранение в рамках естественных общностей «добросовестное – нравственное отношение человека к своему делу, а также вековые навыки самоуправления. Подчеркнем: *самоуправления*, а не демократии». В демократии реализуется принцип: один человек – один голос, т.е. атомарность, раздробленность. В системе общинного самоуправления выслушивают всех, но более веский голос принадлежит более опытному в деле. Здесь вопрос решается качеством, а не количеством. «Это *патерналистский* – традиционно *семейный* принцип выработки решений» [1, с.386].

Японцы начали строить свою промышленность в конце XIX века, используя не дешевый, а *дорогой* труд. У них не было обезземеливания крестьян. Их не сгоняли с земли как в «цивилизованной» Англии. Крестьян пришлось заманивать в город, как в прошлом, так и в современных условиях. Привлекать пришлось особой *мотивацией труда*, *возможностью проявления творческих потенций*. Дело в том, пишет Бородай, что японцы «отвергли» западную систему «научной организации труда» американского

инженера Ф.У. Тейлора и внесли в индустрию традиции деревни! Теперь, внимание! Вот что пишет японский автор книги по японскому менеджменту: «Доминирующей предпринимательской стратегией возникающего современного бизнеса стала не *специализация*, а *универсализация*. ...Эта усиленная универсализация означала, что *труд* на японских верфях и фабриках не мог быть ни *стандартизирован*, ни *специализирован*. Ф. Тейлор, отец научной организации труда, подчеркивал особую важность для рациональной организации труда отдельной "задачи" – "специализированной работы". Однако в Японии понятие "специализированной задачи" не могло стать целью управления: вместо этого центром внимания был сделан сам рабочий. Другими словами, управление было нацелено не на "руководство работами", а на поддержание стабильности персонала и *высоких личностных качеств* высококвалифицированных разносторонних рабочих». Из такой установки хозяйствования, замечает Бородай, вытекали такие следствия как отказ от жестких систем контроля за исполнителями, от строгой регламентации и мелочной бюрократической опеки, пожизненный найм с неформальными полусемейными отношениями внутри предприятий, складывающихся по типу традиционно-общинных. «По существу это *деревенские* отношения, перенесенные не подвергшимися люмпенизации крестьянами на городскую индустриальную почву. Главное в этих отношениях – *живые навыки общинного самоуправления и нравственно-творческое отношение к общему делу* [курсив наш – С.Г.]. В Японии не город переламаывал в пыль и развращал деревню, но, напротив, деревня перенесла свои обычаи и законы в город» [1, с.388].

Обратимся к японской деревне. Бородай цитирует автора книги об особенностях деревни в Японии: «В деревне сами крестьяне поддерживали в порядке общие дороги и проводили ирригационные работы, следили за соблюдением порядка на своей территории, за использованием земли, проводили в силу решения правовых органов, улаживали споры, а в случае мелких преступлений *сами выносили приговор и налагали наказание*, ... отвечали всем миром за преступление, совершенное любым из членов общины, заключали контракты, привлекали к суду и отвечали перед судом. ...Небывалая степень самоуправления, возникшая после устранения военнопомещичьей администрации (революция Мейджи. – Ю.Б.) принесла стране беспрецедентный уровень народного благосостояния и социальной справедливости. ... Новые лидеры Японии получили поддержку нации – несмотря на то, что потребовали от нее ни много, ни мало, как за одно поколение превратиться в индустриальное общество.... Новые лидеры Японии нашли решение проблемы в переводе этих целей на традиционный язык лояльности и долга. Это был язык *патерналистской семейной этики*, выражающей неотъемлемые идеалы почти всех японцев, ... правительство

поддерживало их через систему образования, военную подготовку и средства массовой информации. ... Во многих странах промышленность подорвала крестьянскую деревню и рассеяла ее население или сильно ослабила его солидарность, создав глубокие классовые деления. Ничего из этого не произошло в Японии». Здесь, напротив, деревенские отношения переносились в город, что «стимулировало деятельность деловых фирм, организованных по принципу большой семьи» [1, с.388].

Инженер Ф.У. Тейлор к человеческим отношениям на производстве подошел по-инженерному, с позиций естествознания: он уподобил работника со свободой воли вещи без такой свободы. Он утверждал, что разработанные им принципы «могут быть с равным успехом приложены ко всем решительно видам социальной деятельности» [17, с.4]. Отсюда следовала жесткая регламентация на производстве, которая затем была перенесена и на управление не только крупными предприятиями, но и регионами страны, государством в целом. Сработал гипноз «науки». Почему же японцы не последовали тейлоризму? Потому, что сохранили чувство этно-национальной общности, чувство полноты человеческих проявлений, избегнув тем самым того *отчуждения*, которое захватило экономику и иные сферы жизни Запада. Национальное единение пересилило классовый антагонизм, *моральная солидарность взяла верх над эгоизмом классов*. Оказывается верховенство нравственных императивов над экономическими соображениями (прибылью, «законом» стоимости) вполне *возможно*. Все зависит не от форм собственности, а от самих людей. Маркс настаивал на классовом подходе потому, что он значительную часть жизни провел в «пекле» капитализма, в Великобритании. Почему же в России, где нет традиций протестантской этики, оправдывавшей ужасы первоначального накопления, обязательно надо держаться верховенства классового подхода? К марксизму следует тоже применять культурно-исторический подход.

Вектор развития Японии, возможно, дает ответ, *что было бы с Россией, если не был бы прерван путь ее самобытной аграрно-промышленной модернизации в 1917 году*. Большевики (1917-1937 гг.) захватили органы государственной власти в центре и в регионах страны. Они не понимали своеобразия национальной исторической России, отрицали религию народа, его традиции, уклад жизни в деревне, ту полноту жизни, которая вырастала из *естественной общности* людей, смеялись над нравственностью, проверенной веками, глумились над историей царской России; они уверовали в евангелие от Маркса и насаждали неистово «тейлоризм» в деревне, не говоря уже о городе. Они сломали «хребет» народного духа – православную веру и культуру. Словом, они были *отчуждены* от собственного народа и как идейные «чужаки» стали насильствовать народную общность, пока сами не погибли в 1937 году. Судьба

большевизма поучительна. Реформы в современной России нам пока представляются как продолжение радикального западничества, как необольшевизм, только с обратным, буржуазным, знаком. Но эта волна радикального западничества скоро схлынет: из-за своей радикальности она быстро обнажает нелепость заимствований стандартов жизни Запада, ведет к прозрению все большего круга людей, побуждает к синтезу культурных традиций России с технологией обновления техносферы, рождает в культуре, в студенческой среде мощную патриотическую установку: «пора возвращаться Домой, на Родину». Есть основание полагать, что появятся духовно лучшие люди, и они направят Россию на самобытный путь так же, как это осуществил в культуре наш национальный спаситель А.С. Пушкин.

Поучителен экскурс Бородай в современную экономику. Уже на ранних стадиях индустрии у тейлоризма обнаружился «серьезный изъян». Частичный работник сохраняет какую-то степень собственного творческого потенциала, и в системе жесткой регламентации он направляет свою смекалку «на подрыв отупляющей монотонности». Бородай цитирует признание Тейлора: «сознательно медленная работа с целью недопроизводства полной дневной выработки ... представляет собой почти повсеместное явление в промышленности, ... представляет собой самое большое несчастье». Еще хуже – брак от равнодушия к частичной работе [1, с.390]. Американцы стали просить японских менеджеров помочь избавиться от изъянов тейлоризма на производстве. Японцы консультируют: чтобы снизить процент брака, надо *«не ужесточать, а отменить систему громоздкого и унижающего человека контроля»*. Главное – улучшение социального климата на американском предприятии, замена строго регламентированных нормативов добросовестным отношением к делу, основанным на неформальных доброжелательных отношениях внутри коллектива». В Америке японские консультанты очень стараются, но у них там «не получается ничего путного». Ибо на Западе, отметил еще Маркс, типична «абстрактность коллектива, у членов которого нет ничего общего, кроме разве языка» [10, с.479]. Оказывается, что внедрение новейших технологий, основанных не на контроле, а на добросовестности исполнителя, требует реорганизации предприятий по типу «естественной общности». Такая реорганизация, пишет Бородай, хорошо получается в Сингапуре и Таиланде, в Южной Корее и на Тайване, а в США плохо – хуже, чем в ФРГ. Почему? «Потому что в странах с давними протестантскими капиталистическими традициями “подпорчен” человеческий “материал”? Растерт в атомарную пыль, истрачен на становление машинной системы поточного массового производства ширпотреба» [1, с.391-392].

В Японии брака и халтуры намного меньше, чем в США. Японцы последовательно наращивают «объем *общеобразовательной* подготовки»

молодой смены, затем выпускника учебного заведения принимают в «общину-фирму» не на срок, а *«пожизненно»* и проводят его по возможности «через все производственные структуры, циклы и даже должности, чтобы он на собственном опыте хорошо усвоил план и общий “научный” замысел дела – чтобы любую работу в своей фирме он смог выполнить с творческим интересом, *осмысленно*, отнюдь не только ради зарплаты». В период послевоенной инфляции зарплата стала мало зависеть от характера выполняемой работы, она была ориентирована на соответствие «тому прожиточному минимуму, который позволял рабочему содержать семью, и это усилило мотив рабочего самоуправления». Японию сами японцы называют *«капиталистической страной без капиталистов*, ибо владельцами крупного бизнеса часто являются сами предприятия». Как это понимать: «капитализм без капиталистов»? Может это «социализм»? Трафаретные «измы», размышляет Бородай, здесь не подходят. На Западе свободное предпринимательство перерастает в «организованный капитализм», со все более жестким госрегулированием, а абстрактная демократия с трескучей «борьбой за права» – в тоталитаризм. «Но *традиционный патернализм – вовсе не тоталитарная диктатура*, а общинно-корпоративное *самоуправление – не демократия*». Язык не поворачивается, признается Бородай, квалифицировать «общественный строй, сохраняющий ценности и структуры своей “естественной общности”», западными терминами «капитализм», «социализм» и др. «Я думаю, что Япония – это традиционное общество, самобытным путем осуществившее агропромышленную модернизацию» [1, с.390-391].

Постиндустриальный вектор производства – переход от «экономики заводских труб» к созиданию «наукоемкой продукции», главной составляющей которой являются не «материальные ресурсы, но «быстрая утилизация творческих интеллектуальных усилий», «ноу-хау». Культуроцентричность такого вектора означает, что главным элементом производительных сил становятся *«морально-духовные качества универсальных производителей (подобных архаичному кустарю-художнику), способных к творческой солидарной работе с интеллектуальными усилиями и нравственной ответственностью без жестких систем контроля над их деятельностью. Морально-духовный фактор в новой системе выдвигается на первый план, становясь ведущим экономическим фактором. Материальные предпосылки развития, при всей их важности, отступают в постиндустриальной системе на второй план»* [1, с.392-393]. В этом проявляются тенденции культуры как новой ступени истории.

Фактически Бородай ясно раскрывает переход от техногенного общества к антропогенному, от технической цивилизации к культуре.

Термин же «постиндустриальный» неопределенный, он указывает смену во времени, а не *качественную* определенность. Японская альтернатива англоязычному Западу, как видно, содержит такие параметры как «естественная общность», «общинное самоуправление», «патернализм», «нравственно-культовые святыни», духовно-нравственная регуляция», «моральная солидарность», «универсальность», т.е. весь букет «черносотенства», «архаики», «закрытого общества» вопреки «демократии», «открытому обществу», и т.п. пустым терминам, в которые их пропагандисты вкладывают сугубо свой корыстный смысл: тянуться к демократии – значит тянуться под эгиду США и т.д. К «закрытому обществу» близки Япония, Корея, Малайзия, Индонезия, Таиланд. А вот англоязычные страны – образцы «открытости». Как оценивают эксперты перспективы этих разного рода обществ? Бородай цитирует важный документ «Глобальные перспективы деловой активности», подготовленный Международным институтом развития управления и Мировым экономическим форумом на основе опроса свыше 1500 бизнесменов из 22-х стран: «В то время как англоязычные страны и большая часть стран континентальной Европы подвержены тенденции к замедлению экономического развития, лидеры мирового бизнеса устремили свои интересы в Германию, Японию и новые индустриальные страны (Корею, Таиланд, Малайзию, Индонезию). ... Англоязычные страны – Австралия, Канада, Великобритания, США – возглавили список стран с наибольшей тенденцией к рецессии. Германия здесь идет на последнем месте. Критериями оценки конкурентоспособности при данном исследовании были качество рабочей силы, качество продукции, рыночная ориентация и уровень нового поколения бизнесменов. Менеджеры поставили на первое место квалификацию труда и трудовую мотивацию. ... В Японии самая высокая мотивация к труду» [1, с.401-402].

Западные стандарты *техногенного характера*, ориентирующие на технику жизни, *терпят крах перед тенденциями культуры* как новой ступени истории. Срабатывает открытая Бородаем «*привилегия отсталости*». Получается, по Евангелию – «последние станут первыми». Культура антропогенна и креативно антропологична. То, что с позиций англоязычного Запада кажется архаикой, в нынешних переходных условиях к культуре становится *выигрышным*. Япония и вслед за ней «южно-азиатские тигры» от экономики теснят США на беговой дорожке новейших технологий. Россия, отмечает Бородай, несмотря на свою скоротечную лагерную индустриализацию, «в гораздо большей мере, чем Запад, сохранила в сознании большинства населения свои самобытные духовно-нравственные архетипы», а также «еще достаточно большой потенциал аскезы – готовности к жертвам и сверхусилиям ради идеи». Последнее

станет фактором «решающей важности, как только будет преодолен острейший *духовный* кризис – кризис идентичности, поиска новых сверхиндивидуальных целей» [1, с.393].

Кризис идентичности – это «резкая девальвация всех присущих данной культуре общезначимых сверхличностных идеалов, что ведет к массовому психическому дискомфорту, чревату иррациональными деструктивными срывами» [1, с.394]. Такой кризис подобен деперсонализации личности. Ибо личность теряет свое «сверх-Я», то самое ценное, во что она верит, чем руководствуется на жизненном пути, с чем соизмеряет свой выбор в важных вопросах жизни, чему готово служить добровольно и свободно, вплоть до самоотверженности. Без «сверх-Я» остается одно эмпирическое «я», наполняемое всякий раз изменчивым повседневным событийным материалом. Теряется главное – критерии самоопределения, выбора, оценки и должного; теряются субъектные качества, самостоятельность. Так индивиды превращаются в «существователей» (Гоголь), но без духовной сущности. Как же народ России докатился до такого опаснейшего состояния? Благодаря секулярному (отсекающему) большевистскому яду – материализму, атеизму и безнациональному интернационализму; последний не следует путать с дружбой народов, ибо безнациональных народов, как и дружбы между такими народами, история не знает. Дело в том, что этнокультуры всех народов корнями уходят в *культ, в религию, в абсолют, совершенный по качеству*. Именно поэтому этнокультуры несут на себе «родимое пятно» – дух совершенства. Нравственность, как убеждает цитируемое нами исследование Бородай, стала возможной благодаря «тотему», Богу. То, что трансцендентно для научного мышления, то имманентно для веры и верования; цвет «трансцендентен» для опыта уха, но имманентен для опыта глаза. Полнота человеческой субъективности, редуцированная до *логики* мышления, закреплённая фабрично-заводскими технологиями и ставшая самодовольной, стала однородным мерилom там, где востребованы *иные* оптики духа. Так стали практиковаться *инженерные схемы социальности* с клеймом «научности», будь то «научный социализм», «научная организация труда», «научное мировоззрение». Между тем нравственность, как и религия, ненаучна, у той и другой – *иная* духовная *модальность*. Причем, более важная для жизни, чем «рацио». Наши предшественники строили с 1917 года общество научно; полнота жизни не вмещалась в рациональные, материалистические, атеистические и этнонигилистические схемы. Схемы изменили, внесли параметры монетаризма, либерализма, демократии, цивилизации. Жизнь стала еще более невыносимой в нравственном отношении. Следовательно, полнота народной жизни первична. Не человек для субботы, а суббота для человека. Для приятия полноты жизни адекватен целостный духовный акт, в который

входит и научный компонент. Первичным же для культуры всегда остается *религиозно-культурная нравственность с ее потенцией духовного возрастания народа*, а не рационально-политизированная идеология. Гражданское общество Запада выросло в условиях классового антагонизма. Чтобы люди не «пожрали» друг друга (человек человеку – волк), кулачное право было заменено правовыми процедурами. Человек стал юридическим лицом. Чем больше возрастали правовые регуляторы, тем меньше оставалось пространства для нравственной регуляции. Свобода совести как юридический принцип к началу XXI века настолько гуманизировали в рамках «толерантности», «прав человека» и «политкорректности», что свобода совести вырождается на наших глазах в свободу от совести. А в бессовестном обществе сразу возрастает принудительная регуляция (административно-правовая) вплоть до тоталитаризма – всеохватной регламентации мышления, поведения, потребления. Следует пересмотреть в условиях России понятия, ставшие аксиомами на Западе, в частности понятие гражданского общества. Как историко-генетически *кооперация была и остается первичной* в экономических отношениях, так и исторически *первична соборность*, т.е. свободная, добровольная духовная солидарность людей вокруг коренных ценностей религиозно-нравственного порядка. Как кооперация является всеобщим материнским лоном для всех дальнейших экономических форм (люди существа общественные и работают друг на друга, чтобы они не мнили про себя), так и *соборность есть первичная духовная основа для всех последующих социальных форм – экономических, юридических и политических*. И.А. Ильин всесторонне обосновал соотношение нравственности и права: первое составляет основу второго; добровольная лояльность, законопослушание граждан возможны в условиях нравственно приемлемого законодательства и политического курса государства [6; 7]. «Недоразвитость правосознания, – метко замечает Бородай, – не порок, если это свидетельствует о том, что в данном сообществе основным регулятором человеческих отношений пока еще остается совесть» [1, с.399]. Гражданское общество в России производно от соборности, но не наоборот. При таком условии в гражданском обществе и государстве сохранятся *«естественные общности»* – семья, религиозные объединения, конфессии, этническая совместимость, полиэтническая национальная гармония, дружеские узы, разнообразные культурные объединения единомышленников и т.п. Кризис идентичности есть всегда духовный кризис. Кризис есть суд, который творится полнотой жизни народа, такой суд обнажает несостоятельность прежних ценностей. Выход из такого кризиса России следует искать на пути *первичности религиозно-нравственных, духовных начал, проектирующих иную социальную связь*. Все остальное приложится – и духовная солидарность, и Большой Проект, и

Большое общее дело, и гражданское общество. Достаточно на первом этапе руководству страны заявить в обращении к народу ясно и твердо о *духовно-нравственных принципах* политики страны. Меня могут упрекнуть в идеализме, а, значит, и в «не состоятельности» авторской позиции. Но я исхожу не из «партий», будь то философия или политика, так как источником авторитета для меня является сам предмет исследования. Превращение «зоологии» в «историю», животного в человека состоялось с появлением *самоограничения ради должного*. Так возникли нравственность, совесть, свобода воли творческое воображение, культура. Следовательно, возрастание *человеческого* в человеке состоит в возрастании именно этих начал, в повышении статуса *идеального* над реальным, совести над инстинктом, *духа* над природой, *культуры* над техникой жизни. Материализм же всегда склонен надеть «наручники» на дух, указывая на материальные и иные ограничения, на все новые «детерминации» извне. Мировые религии прямо и мудро воспитывают к *аскезе ради должного, высшего и совершенного*. «Участь вещей, – утверждал А.С. Панарин, – не в них самих, не в природных, социальных и иных “детерминантах”, а только в самом духе, ибо лишь ему дана высокая участь открывать *иначе возможное* там, где все представляется заданным и безальтернативным» [14, с.488]. Ибо дух есть знающее себя *совершенство*, он в самом себе содержит критерии достойного и недостойного, и эти критерии для него самоочевидны. Если для России «не состоятельна» первичность религиозно-нравственного начала, то сама Россия станет не состоятельной XXI веке.

Итак, на примере Японии как традиционного общества, к которому тяготеет и Россия, мы попытались раскрыть тенденции, которые *альтернативны технической цивилизации* и подтверждают нашу гипотезу о культуре (дело не в названии) как грядущей исторической ступени. Япония нами взята потому, что *жизнетворческие устремления* этого традиционного общества *присущи во многом и России*. Нашу гипотезу подтверждают результаты исследований А.С. Панарина, изложенные им в цикле фундаментальных работ, посвященных анализу ведущих тенденций мирового развития. Прочитируем окончание одной из таких работ. «Мы реабилитируем всех отверженных и неадаптированных, потому что нам открылся парадокс прогресса: он питается энергиями, которые сам генерировать не в состоянии и вынужден заимствовать у людей “вчерашнего дня”. Мы знаем: настоящий рабочий, сохранивший трудолюбие, прилежание и усердие, – это тип, не успевший расстаться со старыми ремесленно-крестьянскими архетипами, питающими его архаическую привязанность к труду. Мы уверены: настоящая творческая личность, способная что-то сделать в науке и культуре, – это тип, сохранивший архаическую способность воспламеняться, бескорыстно усердствовать, тянуться к

высшему. Иные, “истинно современные” и эмансипированные, типы ни к чему подобному уже не способны. Поэтому они тянут эпоху от индустриального общества к такому постиндустриальному, которое поразительно напоминает военно-феодальную или спекулятивно-ростовщическую формацию далекого прошлого с соответствующей им грабительской моралью. Тайна истинного постиндустриализма, – заключает он – в сохранении “архаической” пассионарности морально-религиозного типа. Без такого архаизма современность рискует соскользнуть в варварство и даже дикость. Может быть, замечательный архаизм Православия является шансом человечества – одной из гарантий того, что творческий цивилизационный постиндустриализм еще может быть спасен в наступающем глобальном мире» [14, с.492-493].

А.С. Панарин выстраивает такой ряд: цивилизация – истинный постиндустриализм. Термин «постиндустриализм» крайне неопределенный. Ф. Энгельс членил историю в форме «дикость – варварство – цивилизация». Вслед за Марксом, Энгельсом, Панариным и многие другие авторы ясно осознают, что техническая цивилизация есть марка исторического автомобиля, устаревшая в социальном, нравственном и в иных важных отношениях. Назрела теоретическая и практическая необходимость категориально оформить постиндустриальную, *постбуржуазную* ступень истории. Эту ступень мы и оцениваем как культуру в широком смысле этого слова. В узком значении культура как положительная социальность, существующая в одном и том же обществе наряду с антикультурой и иными деструктивными социальными образованиями, сохранила на протяжении тысячелетий *креативно-антропологическое* содержание и *универсальность* человека. Исходя из такого содержания, мы полагаем, что культура в широком смысле слова может быть искомой категорией для обозначения грядущего исторического периода.

У России есть «привилегия отсталости» в области техники жизни, но у нее есть еще и привилегия национальной культуры. Следует отправить в утиль «морально» устаревшую технику и начать создавать самую передовую техносферу, о чем обоснованно пишут авторы книги «Третий проект. Спецназ Всевышнего», раскрывая нереализованные в советский период секретные технологии [8]. Целесообразно в корне поменять сам менеджмент, базируя его не на заемных схемах англоязычного Запада, а на мотивах традиционных «естественных общностей» – на *человеческой универсальности и креативности, на высоких духовно-нравственных личностных качествах работников, на нравственной солидарности персонала, на родственной России культуре патернализма, общинного самоуправления, на патриотическом векторе хозяйствования*. Любовное созидание Отечества есть составная часть цветения человечества. Все иное

есть басни от лукавого. Тенденциям культуры соответствует всеобщее высшее образование, интегральное социальное мышление на основе целостного акта, в котором религиозные, нравственные, эстетические, логические компоненты сливаются в цельный дух, позволяющий созерцать за эмпирией объективное лучшее, совершенные содержания и побуждающий восходить к высшему и человекотворческому. У России есть все необходимое, чтобы начать играть в глобальном мире по своим правилам, привлекая ими на свою сторону все новых союзников и соратников и вытесняя социал-дарвинистские правила англоязычного Запада на мировой сцене истории. «Однополярный мир», «открытое общество», «либерализм», «свободный рынок» – все эти элементы одной легенды, запущенной для простаков силами американоцентризма не от хорошей жизни. Эта легенда уже разоблачена самой практикой за последние десять лет, она противоречит индикаторам и социально-гуманитарной науки, и праву, и политологии, и нравственным императивам, не говоря уже о национальных интересах народов-изгоев и религиозным чаяниям миллиардов людей. Нужна политическая воля, сильная в добре, а не во зле, чтобы начать обновление социальной связи на планете согласно тенденциям культуры, велениям человеческой общности. И субъекты такой политики и таких преобразований обязательно появятся.

Литература

1. *Бородай Ю.М.* Эротика – Смерть – Табу: Трагедия человеческого сознания. М., 1996.
2. *Бурдые П.* Практический смысл. СПб., 2001.
3. *Глазьев С.Ю.* О стратегии развития российской экономики // Мост. 2000. № 50.
4. *Делягин М.* «К 2012 году все изменится» // Завтра. 2006. № 27 (6559).
5. *Ильин И.А.* Основы христианской культуры // Собр. соч.: В 10 т. М., 1993. Т.1.
6. *Ильин И.А.* Общее учение о праве и государстве // Собр. соч.: В 10 т. М., 1994. Т.4.
7. *Ильин И.А.* О сущности правосознания // Собр. соч.: В 10 т. М., 1994. Т.4.
8. *Калашников М., Кузусев С.* Третий проект. Спецназ Всевышнего: Книга-расследование. М., 2006.
9. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года // Приказ Минобразования РФ от 11 февраля 2002 г. № 393.
10. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857-1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т.46, ч.1. М., 1968.
11. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т.42. М., 1974.
12. *Мартин Г.П., Шуман, Х.* Западня глобализации. Атака на процветание и демократию. М., 2001.
13. *Панарин А.* Народ без элиты. М., 2006.
14. *Панарин А.С.* Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002.
15. *Панарин А.С.* Стратегическая нестабильность в XXI веке. М., 2003.

16. *Плотников В.И.* Ценностный мир человека и его судьба // Двадцать лекций по философии: Учеб. пособие. 2 изд. Екатеринбург, 2002.

17. *Тейлор Ф.У.* Научная организация труда. М., 1925.

18. *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т.21. М., 1961.